

О ВИДАХ КООРДИНАЦИИ СМЫСЛОВ В РАЗВЕРНУТЫХ МЕТАФОРИЧЕСКИХ ФРАГМЕНТАХ

В поэзии XX века обнаруживается четко выраженная тенденция к возрастанию сложности тропеического отображения реальности. В результате этого тропы нередко перерастают границы словосочетаний и охватывают целые фрагменты текстов, а иногда и тексты в целом. Этим определяется необходимость создания методики декодирования смысла подобных тропеических единиц, для чего нужно иметь достаточно четкое представление об их смысловой структуре.

Согласно разработанной М. Блэком интеракционистской теории основным свойством тропа является смысловая двуплановость. Например, в метафоре соединяются смыслы, выражающие то, что сравнивается, и то, с чем сравнивается исходное понятие. Ср.: *зеркало залива* сравниваемым элементом является гладкая отражающая поверхность, а сравнивающим – зеркало. Хотя интеракционистская теория разрабатывалась преимущественно на материале метафоры, смысловая двуплановость может расцениваться как интегральное свойство троповости. И. Р. Гальперин отметил, что почти все виды тропов основываются на совмещении двух типов значения [1].

Вопрос о развертываемости тропов тесно связан с проблемой их соответствия синтаксическим единицам языка. Существует большое количество работ, в которых тропы рассматриваются как словосочетания. И это не случайно, поскольку симметрия смыслов в простых тропеических словосочетаниях выражена очень четко. Однако по мере развертывания тропов такая симметрия все более нарушается. Наблюдаются также и факты расхождения границ тропов с границами синтаксических сегментов.

В связи с этим упоминание, например, о метафорических предложениях в работах по метафорологии встречается достаточно редко, поскольку соотносимость смысловых планов сравниваемого и сравнивающего здесь, как правило, находится не в строгом соответствии. Какой-либо из них обычно преобладает. Наблюдается и такое явление, когда связанные между собой по смыслу метафорические элементы оказываются разбросанными по разным предложениям. С учетом данного обстоятельства некоторые исследователи выдвигают не синтаксические, а собственно тропеические критерии классификации данных единиц. Например, Ю. И. Левин разграничивает метафорические звенья, куда включаются однотипно построенные метафоры, и метафорические цепочки. [2]. На основании этого можно заключить, что границы распространенных тропов могут лишь приблизительно определяться границами синтаксических сегментов, составляющих их внешний уровень.

При рассмотрении подобных фрагментов мы исходим из того, что в них существует два уровня членения тропеического смысла. Первый, низший, уровень касается единиц троповости, соответствующих словосочетаниям, а второй уровень связан с координацией двух смыслов на уровне предложения-высказывания. При этом сегменты, соответствующие словосочетаниям, образуют тропеические фокусы, в которых сходятся смыслы уровня предложения. Ср., например, у Р. Рождественского *веселый мячик солнца прыгнет в синеву*. Фокусами являются *мячик солнца* и *прыгнет* с подразумеваемым элементом *взойдет*. Два данных фокуса составляют

ядро тропа-высказывания, смыслы которого можно объединить в сравнительную конструкцию: *солнце взойдет, уйдет в синеву подобно прыжку веселого мячика*. Помимо фокусов в данном предложении-высказывании выделяются их распространители, имеющие отношение к плану – солнца (синеву) и к плану мячика (веселый), хотя понятие *веселый* в известной степени относится и к солнцу.

Аналогичным образом строится следующий фрагмент из стихотворения П. Когана: *Маярийная бродит луна / Рыжей кошкой по темным крышам*. В данном фрагменте присутствуют два фокуса *луна – кошка* и *бродит – поднимается, движется*. Кроме того, метафорой представлена позиция атрибута *рыжая* – по отношению к кошке и имплицитно *оранжевая* – по отношению к луне.

Среди примеров, в которых метафорические фокусы соответствуют позициям субъекта действия и предиката, немало и таких, где фокус в позиции субъекта оказывается имплицитным и подсказывается контекстом. Ср., например, у С. Есенина: *Ловит память тонким клювом первый снег и первопуток*. В значении слова *память* нет ничего, что могло бы быть как-то связано с *клювом*. Чтобы найти в таком употреблении метафорический смысл, нужно восстановить скрытую ассоциацию «память – птица». Аналогичный пример находим у Р. Рождественского: *Этот дом за углом – довоенного времени первенец. / У него под крылом столько судеб рождалось и пестовалось*. Слово *крыло* в сочетании со словом *дом* получает метафорический смысл в результате восстановления ассоциации «дом – заботливая мать». В данном контексте угадывается и другая метафора «птица, наседка, под крылом которой находят убежище птенцы». Таким образом, слово *клюв* в первом из примеров и слово *крыло* – во втором являются как бы ключами к скрытым метафорическим ассоциациям на уровне субъекта действия или состояния. Сами по себе, вне более широкого контекста, эти слова трудно назвать метафорическими фокусами, поскольку за ними не обнаруживается какой-либо второй смысловой план в семантике слов *память* и *дом*. Однако грамматическая связь здесь здесь налицо, что позволяет увидеть пересечение на уровне грамматической семантики.

Поскольку декодирование словосочетаний *клюв памяти, крыло дома* вне контекста невозможно, здесь можно говорить о метафоричности только одного уровня, т.е. уровня целых фрагментов.

В метафорах рассматриваемого типа может быть и более одного ложного фокуса. Рассмотрим такой отрывок: *Вот сдавили за шею деревню / Каменные руки шоссе (С. Есенин)*. Сочетание *шея деревни*, равно как и *руки шоссе* сами по себе невозможны, так как здесь отсутствуют какие-либо семантические «мостики» между парами названных понятий. Метафорический смысл здесь можно восстановить как синтез двух высказываний: «руки некоего чудовища сдавили за шею свою жертву» и «шоссе окружила со всех сторон деревню». Можно предполагать, что автор данного фрагмента наблюдал деревню, окруженную со всех сторон шоссе, с какой-либо возвышенности, что дало толчок воображению и привело к созданию цитируемого фрагмента.

Показательно, что в приведенных отрывках «мосты» между двумя смыслами, т.е. основания сравнения, часто оказываются весьма зыбкими и касающимися второстепенных, не имеющих для главной сущности метафоры деталей. В последнем из приведенных фрагментов С. Есенина такой «мост» обнаруживается в прилагательном *каменные: каменные руки*, т.е. твердые, крепкие и *каменные* – указывающие на материал покрытия шоссе.

Это можно подтвердить еще некоторыми примерами из стихотворений С. Есенина: *Изба-старуха челюстью порога жует пахучий мякиш тишины*. «Скрепой» между двумя смысловыми планами развернутой метафоры здесь можно считать слово *порог*, который соотносится со словом *челюсть* лишь по месту расположения: порог находится в нижней части двери, как и одна из челюстей является нижней. В целом же данное выражение можно истолковать таким образом: изба, одиноко стоящая в тишине, чем-то напоминает старуху, неторопливо жующую хлебный мякиш.

О побочном характере смыслового моста в пределах развернутого метафорического фрагмента говорит и такой пример С. Есенина: *Лижет теленок горбатый вечера красный подол*. Метафора основана на пересечении ситуаций, одна из которых связана с кормлением теленка, а другая – с временем суток, т.е. с вечером. Сближение понятий *вечер* и *подол*, а через них и двух смыслов всего фрагмента осуществляется на основе признака цвета: слово *красный* характеризует цвет вечерней зари и возможный цвет подола. В целом же приведенный метафорический фрагмент нельзя расценивать как выражение подобия вечера хозяйке, вышедшей кормить теленка. Главное здесь – это наличие временной смежности двух изображаемых ситуаций. Речь идет о кормлении теленка в вечернюю пору и присутствии при этом всех атрибутов, связанных с вечером. Заметим, что приведенный фрагмент допускает и другое прочтение, на которое указывает эпитет *горбатый*. Думается, что за горбатым теленком допустимо понимать напоминающую его по форме тучу, видимую на вечернем небе.

С вопросами координации смыслов метафоры тесно связана проблема ее развертываемости, т.е. возможности увеличения звеньев, или фокусов. Исследуемый материал показывает, что такая развертываемость в большой степени зависит от того, насколько совпадают октантные структуры высказываний, одно из которых принадлежит зоне отправления, а другое – зоне прибы-

тия. В случаях, когда какая-либо октантная позиция, существующая в зоне прибытия, отсутствует в зоне отправления, возможно явление «провисания», т.е. наличие звеньев, не имеющих самостоятельного смысла, как это было показано на примере сочетания *клевов памяти*. Позиция орудия воздействия на окружающую среду у слова *память* отсутствует, чем и объясняется необходимость восстановления элемента *птица*.

Материалы показывают, что совпадающими в большинстве случаев являются две-три октантных позиции, однако известны примеры, когда таких позиций, заполненных метафорическими звеньями, оказывается четыре и более. Это характерно, например, для текстов, основывающихся на метафорической модели «человек одного рода деятельности – человек другого рода деятельности». Совпадать здесь могут позиции деятеля действия, объекта, и результата. Так, в тексте Л. Татьяничевой «Кристаллы» в этих позициях оказываются следующие звенья *поэт – гранильщик алмазов, труд поэта – шлифовка алмазов*. Алмазы – словесный материал. Поэтические произведения – бриллианты, т.е. обработанные алмазы. Аналогичным образом строится текст В. Маяковского «Поэт и рабочий», в котором подчеркнуто воспитательное значение поэзии: поэты показаны как рабочие, шлифующие дубы голов рашпилем языка. Т.о. здесь заполнены метафорами октантные позиции деятеля, действия, объекта (дубы голов) и инструмента (рашпиль языка) [более подробно об этом см. 3].

Подводя итог сказанному, отметим, что процесс метафоротворчества на уровне фрагментов, соотносимых с высказываниями, не отличается строгим соответствием сравниваемого и сравнивающего на уровне отдельных звеньев. Здесь нередко наблюдается асимметрия двух планов значения, которая во многом обусловливается несовпадением октантных структур, по которым моделируются высказывания из зоны отправления и зоны прибытия метафоры. Явления «провисания», или иначе говоря метафороподобия на уровне локальных звеньев определяют особые приемы декодирования, когда позвонная расшифровка невозможна и должна осуществляться с учетом широкого контекста.

Количество локальных метафор в составе развернутых метафорических фрагментов находится в зависимости от количества совпадающих позиций в октантных структурах положенных в основу метафор высказываний.

Литература

1. Гальперин, И. Р. О принципах семантического анализа стилистически маркированных отрезков текста / И. Р. Гальперин // Принципы и методы семантических исследований. – М.: Наука, 1976. – С. 267–289.
2. Левин, Ю. И. О некоторых чертах плана содержания в поэтических текстах / Ю. И. Левин // Структурная типология языков. – М.: Наука, 1966. – С. 199–215.
3. Ревуцкий, О. И. Метафорическая репрезентация концепта «поэт» в текстах современных русских авторов / О. И. Ревуцкий // Весн. Мазыр. дзярж. пед. ун-та імя І. П. Шамякіна. – 2007. – № 2 (17). – С. 111–115.